

39. ДВА БЮСТА

Летом 1997 года ко мне приехал Василий Константинович Старовойтов, дважды Герой Социалистического Труда, председатель колхоза "Рассвет" имени К.Орловского. Приехал, чтобы провести цензуру моего очередного рассветовского репортажа.

"Уберите колкости в адрес власти, — неловко попросил он, — боюсь, отомстят." — "Вы же никогда никого не боялись," — сказал я, тоже испытывая неловкость. Неловкость оттого, что поучаю семидесятитрехлетнего мудреца. "А теперь боюсь, — признался он, — они могут погубить хозяйство. Мне надо пять лет, чтобы довести "Рассвет" до прежнего уровня." Он взял карандаш и начал кромсать мой репортаж, чего никогда раньше не делал.

Весной 1982 года в Минск прибыл проветриться заместитель главного редактора "Литературной газеты". Хотя "Литературка" была тогда как бы демократической газетой тоталитарной системы, она выполняла правила партийного этикета. Главнейшее из оных — контакт с куратором в парторгане. Попробуй собкору не зайти к нему месяц-другой — будет вежливый звоночек: давно не виделись, не случилось ли чего-нибудь?

Этикет понудил меня и заместителя редактора просить аудиенции у секретаря ЦК КПБ по идеологии. Принял нас без проволочек. Угостил чаем с вареньем и сыром. Рассказал парочку анекдотов. Вспомнил эпизоды из собственной военной биографии. Без связи перешел на сельское хозяйство: "В Белоруссии имеется выдающийся опыт колхозного строительства — "Рассвет" имени Кирилла Орловского. "Литературка" не слышала о нем?" — "Слышали! -- С воодушевлением подхватил мой начальник и строго посмотрел на меня. — Обязательно напишем!"

Вскоре я оказался в "Рассвете". Можно сказать, в колхозном раю. На площади девяти тысяч гектаров супесчаной земли создали оазис. На полях ни болотца, ни плещи, ни кустика. Подсыпано, срезано, выровнено. По границе поля защитные лесополосы, асфальтированные дороги. Возле ферм не грязь, а цветочные клумбы. На деревенских улицах чистота, мусор жгут в цинковом тазике. И непременно — высокие производственные показатели, эти самые надои, привесы, центнеры и тонны. Ради них, понятно, партия породила колхоз, кормильца страны.

Но зачем колхозу свой асфальтовый завод?

Председатель Старовойтов феномен неожиданного завода пояснил кратко: "Чтобы асфальт положить к каждому полю. Чтобы не бить технику на колдобинах, не рассыпать по ним зерно."

Так покупайте асфальт на государственном заводе, у вас на счету деньги, не то что у других колхозов.

"Асфальт в нашем государстве — дефицит. А если и выбьешь — заломят такую цену! Свой асфальт дешевле."

А железобетон? Неужто колхозу выгодно создавать специфическое производство — железобетонный завод?

"Колхозу выгодно поселить колхозника в коттедж. Создать человеческие условия жизни. Тогда он будет хорошо работать. А где, скажите, взять железобетонные панели, оконные перемычки, лестничные марши? Надеяться на государство?.. Делаем сами. Сами и строим. У нас своя строительная бригада. Ни от кого не зависим. Строим, сколько душе угодно."

Василий Константинович, последний вопрос. Химическое производство — кожзавод — эта морока колхозу тоже надо?

"Шкуры телят и коров государственная заготовительная контора покупает у нас за копейки. Купит — и сгноит. Мы разозлились. Научились сами выделывать кожу. Получили отличную продукцию. Прикажете за бесценок отдать ее государству? Мы не дураки. Открыли свой пошивочный цех. Шьем кожаные пальто, куртки, дубленки. Продаем в своем магазине. Имеем деньги. Купили оборудование для молочного, консервного, сокового заводов. Выпускаем продукцию. Продаем в своих магазинах в Кировске, Бобруйске. Скоро откроем в Минске. Деньги в кассу текут. Текут в поле, в урожай. В коттедж колхозника."

Нет, это были не колхозники в их устоявшемся облике советских крепостных. Несколько тысяч наемных работников трудились на многочисленных разноотраслевых предприятиях, объединившихся под крышей "Рассвета" с целью обособиться от государства, от расточительной системы так называемого социалистического хозяйствования. Чтобы создать людям нормальные условия жизни и труда, председатель Старовойтов вынужден был прежде создать собственную систему "Рассвет", изолировать ее от окружающей содейственности, настроить на функционирование, схожее с натуральным хозяйством.

От колхоза осталось одно название. Производство же было пронизано капиталистической сутью — мыслью о том, как выгодно продать продукцию, получить максимальную прибыль, достойно заплатить рабочим.

Если бы "развитой социализм" продержался в стране чуть дольше, не исключено, что рассветовская логика привела бы Старовойтова к поиску и добыче на своей территории полезных ископаемых (минеральную воду уже

добывали и разливали в бутылки), к варке стали и обжигу чугуна (свой кирпич из своей глины уже обжигали), к выработке кофе (чай уже вырабатывали), к созданию собственной системы образования (отличная от государственной рассветовская медицинская система уже существовала), к внутрирассветовской юриспруденции (своя охрана и милиция уже действовали, своя шкала добра и зла уже применялась повседневно)...

Рассветовскую логику хозяйствования продвигал вперед, вширь, вглубь и ввысь, несомненно, профессионализм Старовойтова. Логика вела к осязаемому результату. Один колхоз "Рассвет" давал государству столько молока и мяса, сколько давали все остальные два десятка колхозов-совхозов района.

Государство отблагодарило Старовойтова двумя звездами Героя соцтруда. Партия, направляющая всех нас по известному только ей пути, ввела Старовойтова в свой ЦК. Иными словами, примазалась к его хозяйственному успеху, поставила его на идеологическую основу, которая в деятельности Старовойтова отсутствовала. Причина-то его успеха в том, что он не пропустил в "Рассвет" партийных директив, хозяйствовал как хотел. Это потребовало от него силы воли, стойкости, хитрости, компромиссов, много банных веников и декалитров водки.

Система Старовойтова держалась благодаря его невероятным душевным усилиям. Тут такой случай, где профессионализм вырос из совести. И возникла логика расцвета в пустыне.

В двух подцензурных очерках "Литгазеты" сквозь успехи колхоза "Рассвет" лицо председателя Старовойтова просматривалось столь откровенно, что секретарь ЦК по идеологической работе ощутил ревность, почувствовал себя не у дел. Бедняга нарушил этикет: после публикации не позвонил ни мне, автору, выполнившему заказ партии спустя рукава, ни моему небдительному руководству.

Авторитарная система любит присваивать себе успехи выдающихся людей. Пока они великодушно терпят ее ухаживания, она не скупится на ласки. Как только неординарная личность начинает вести себя по законам своей неординарности, система перенастраивается на подавление этой личности, на уничтожение ее общественных достижений.

Так Старовойтов оказался в тюрьме. Тот факт, что он в тюрьме, — наилучшее доказательство преемственности в Беларуси компартийной и президентской форм правления.

Вопрос: создавая автономию "Рассвет", Старовойтов видел ее будущую смерть, за 20-30 лет наперед знал, от чего она умрет? Мой ответ, основанный на пятнадцатилетнем общении со Старовойтовым в различных обстоятельствах, таков: если бы не видел и не знал, то был бы типично колхозной деревенщиной и не сделал бы то, что сделал.

На колхозном "острове счастья" он был самый несчастливый человек, ибо служил там скорой помощью. Осенью 1993 года он сказал мне в интервью то, о чем думал десятилетия: "Если "Рассвет" выстоял и чего-то достиг, то потому, что имел держиморду. Сначала Орловский, а потом такой же был — Старовойтов. Почему спать лег на покосе? Почему сено колхозное замочил? А ну открути назад! Вот так и кричишь. Разве можно так жить и работать? Колхоз — нежизненная организация."

Отдаляясь от государства, Старовойтов довел развитие колхоза до совершенства. То есть до абсурда. До стены. Заводы "Рассвета" не имели рыночной взаимосвязи, взаимозависимости. Многоотраслевое производство не склеивалось в единый организм. Смертный приговор недееспособному организму вынес тот, кто его породил, Старовойтов: "Нет в колхозе такой силы, которая бы заставила человека хорошо работать!"

Интервью Старовойтова я напечатал в независимой сельской газете "Новая земля". Приговор колхозной системе, вынесенный знаменитым председателем, всколыхнул белорусский коммунистический заповедник. Деревенские вожаки дали изменнику мощный бой в прессе. "Новую землю" вскорости удушили. Старовойтова прокляли, исключили, забыли.

Система в пропагандистском рвении дважды наделяла его званием Героя Социалистического Труда, а он, как выяснилось, подобного труда не знал. Труд, в его разумении, бывает или свободным, или рабским.

В начале девяностых годов стараниями своего председателя колхоз "Рассвет" прекратил существование. На том месте, где он жил-был, родилось акционерное общество "Рассвет". Вся движимость и недвижимость, вся земля были поделены между всеми, кто работал в колхозе со дня его создания в 1944 году. Каждый получил свою долю в зависимости от количества вложенного труда.

Доля каждого была помещена в созданный банк "Рассвет". 1633 колхозника, образовавших уставный фонд банка, имеют денежную собственность, получают дивиденды, предметно видят завтрашний день. Уникальный случай в практике сельскохозяйственного строительства на просторах бывшего СССР! Опыт Старовойтова — это национальное достояние белорусов.

Приватизация колхоза родила частного собственника, не раздробив единую технологию. Предприятия были выкуплены расцветовцами за наличные деньги и таким образом обрели коллективного хозяина. Земля была поделена на паи, но сохранилась в общем технологичном массиве. Расцветовцев по-прежнему можно называть колхозниками, но в печально известном термине здесь иной смысл.

"Послушайте цифру! — говорил Старовойтов. — Расход электроэнергии, газа, бензина сократился в акционерном обществе в три раза!"

Тут и родина опять вспомнила своего героя. На совещаниях по "дальнейшему развитию аграрного сектора экономики" стали традиционными гневные разоблачения Старовойтова, который "вместе с родственниками и друзьями прихватизировал колхоз, а простых колхозников оставил ни с чем".

В неразвитом обществе не нашлось ни одной значимой институции, которая бы подняла, обобщила, защитила опыт Старовойтова. На его защиту не встали именитые коллеги-председатели, занимающие видные должности в государственной системе. Скажем, — сенатор Владимир Бедуля, с которым Старовойтов дружил.

Ответная реакция Старовойтова была адекватна: уход из общественно-политической жизни. Этот уход трагичен и для него, и для государства. Он все-таки государственный, а не индивидуалист.

Он воспитанник советского альтруизма. В новых условиях он оказался в ловушке, сотворенной собственными руками.

В оазис со всех сторон просочилась пустыня — неплатежи, диспаритет цен. Разветвленное производство, не получающее денежных вливаний, стало чахнуть. Заводы и фермы требуют модернизации, инвестиций, продукция — конкурентоспособного качества, рыночной, а не директивной цены. Зарплата рабочих снизилась, необходимо срочно повышать, иначе наступит разочарование. А платить — нечем.

В былые времена колхоз "Рассвет" не пользовался кредитами, так как всегда имел собственные деньги. Акционерное общество было вынуждено брать кредит у государства, как берут все колхозы.

Свой кредит государство называет "льготный". С его помощью оно который год безуспешно пытается недорого накормить народ. Авансируя колхоз под маленький процент, государство требует продать ему по маленькой цене хлеб, молоко, мясо. Колхоз вынужден отдавать свою продукцию за цену, не покрывающую расходов, не обеспечивающую расширенное воспроизводство. К тому же партнеры задерживают платежи. Председатель по привычке, не задумываясь, опять берет льготный кредит.

Денег в обрез хватает только под новый урожай. Внутреннее развитие (и хозяйства, и руководителя) прекращается. Жизнь в колхозах затухает. Продовольствия в государстве убывает, одновременно оно дорожает по причине своей дефицитности. Накормить народ никак не удается.

Чтобы вырваться из ловушки, Старовойтов в отчаянии не заключил договор с государственным молокозаводом. Единственный в области. Потому что завод не платил за молоко. Старовойтов навязал свою схему: за каждую партию молока завод рассчитывается маслом. "Рассвет" продает масло в Минске по нормальной цене. Молокозавод принял эти условия потому, что молока в АО "Рассвет" по-прежнему много и без него завод обречен на простой.

Я спросил: почему не сделать так же, по-рыночному, с мясом, хлебом? Не отдавать государству за бесценок, как когда-то телячьи шкуры, а продать по экономически обоснованной цене в России, СНГ, новом Союзе?

Мне ответил не рыночник, а патриот:

"Совесть не позволяет обмануть государство. Оно дало мне льготный кредит, значит, ждет мою продукцию."

Он так и не добился освобождения труда от государственного патриотизма.

Совесть сделала Старовойтова профессионалом. Затем она же, совесть, профессионализм у Старовойтова отнимала, отнимала, отнимала... Его трагедия в том, что он не смог понять и смириться, что живет и работает в бессовестном государстве.

Ему не хватило четырех-пяти месяцев. Деньги за томаты уже были в пути к "Рассвету". В феврале 1998 года Старовойтов планировал выдать рабочим обновленную зарплату, а весной — заняться модернизацией ферм. Не успел. Осенью 1997 года по доносу в "Рассвет" нагрянула президентская проверка и, опираясь на рассветовских маргиналов, разгромила неокрепшее акционерное общество.

Рассветовцы молниеносно предали своего руководителя, который тридцать лет честно делил с ними хлеб, соль, пот крестьянской жизни. Как классические рабы, они подчинились тому, кто в данный момент оказался сильнее и проворнее, — президенту.

Насильственно прерван уникальный опыт реформирования сельхозпроизводства. Старовойтов и рассветовцы обогнали страну лет на тридцать, их вернули назад.

Дважды Герою положен бронзовый бюст. Бюст Старовойтова давно отлит. Партийные органы нашли, было, место, где он должен стоять. Но Старовойтов отказался от прижизненной окаменелости. Его бюст пылится где-то на государственных нарах. Туда же, на нары, доставлен и живой оригинал.

В те дни, когда Старовойтова водили в тюрьме на первые допросы, в Каменецком районе по указу президента устанавливали бронзовый бюст его коллеги, дважды Героя Владимира Бедули. Это совпадение символично и трагично.

Живого Бедулю в роли сенатора частенько можно было увидеть по телевизору: сидит и окаменело смотрит в рот президенту. Бюст в мягком кресле.

1998

www.kamunikat.org